

KIX

«LE MESSENGER» «THE MESSENGER»

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

PERIODIQUE BIMESTRIEL

П А Р И Ж

III. MAI-JUIN 1952

«LE MESSENGER», périodique de l'Action Chrétienne
des Etudiants Russes
paraît six fois par an

О Г Л А В Л Е Н И Е

1. О съезде Движения во Франции — Прот. В. Родзянко	1
2. Апостольское служение — Св. Григорий Двоеслов	3
3. Слово на Успение Пресвятой Богородицы — Прот. С. Булгаков	5
4. О Призывании Имени Иисуса Христа — Архим. Лев Жиллэ	8
5. Sola Fide. Лютер и католическая церковь — Л. Шестов	14
6. Суоми — Л. Зандер	24
7. Среди книг и журналов	28
8. Хроника	30

Журнал выходит 1 раз в два месяца.

Цена отдельного номера : 75 фр.

Адрес редакции:

Monsieur I. Morosov, 91, rue Olivier de Serres, Paris 15 (France).

Русское Студенческое Христианское Движение во Франции
организует

ГОРНЫЙ ЛАГЕРЬ
с 15-го июля по 29-ое августа

Для детей от 7 до 18 лет. Для молодежи от 19 до 30 лет.

Лагерь принимает родителей и гостей.

Всю переписку, касающуюся «Вестника» — подписки, перемены
адреса и денежные переводы просим направлять по адресу :
Monsieur I. Morosov, 91, rue Olivier de Serres, Paris 15 (France).

Денежные переводы можно также посылать на почт. текущий счет:
Action Chrétienne des Etudiants Russes, 91, rue Olivier de Serres,
Paris, C. C. P., Paris 2441-04.

Издание Р. С. Х. Д. Движения за Рубежом.

KIX

Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения православной Церкви и привлечение к вере во Христа неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей готовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

О СЪЕЗДЕ ДВИЖЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ

(31 мая — 2 июня 1952 г., Бьевр).

В первый раз в жизни мне довелось быть на съезде РСХД и хочется поделиться своими впечатлениями.

Главным и решающим в оценке того или иного факта церковной жизни может быть только одно: как бьется ее пульс, какова ее духовная жизнь. «Церковная» и «духовная» жизнь, к сожалению, не всегда одно и то же. Если они совпадают полностью, то «церковность» — истина, не просто набор внешних действий, прикрывающихся этим именем. Если нет — она убивающая буква. Если православной церковности нет совсем, то нет и настоящей духовной жизни. Потому меня съезд именно с этой точки зрения и интересовал, когда я туда ехал.

И скажу сразу — я был потрясен. Поразило меня все: и уставность богослужения, особенно длинной всенощной в субботу, и напевы, и их православность, и архиерейская литургия и воскресенье, и общее настроение молящихся.

Сердцем «духовного пульса», конечно, всегда является евхаристия. Если литургия служит только, чтобы «отпеть» церковную службу, на быстроту, если молящиеся в ней не участвуют и даже не знают ее и не причащаются, то — о духовной жизни и говорить не приходится. А это, увы, — общая картина повседневной приходской жизни, за редким исключением особо духовных церквей. В этом причина всех наших церковных болезней, которыми так богато русское зарубежье. И, признаюсь, я боялся найти такое же отношение к литургии именно на съезде, не только потому, что программа смущала своим ограничением времени для литургии и других богослужений, но и потому что слухи о формальном отношении к литургии на съездах РСХД доходили до меня с раз-

БИБЛИОТЕКА-СССР

«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»

МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ :

4001330

ных сторон. Казалось, что на этих съездах главное внимание обращают на доклады, дискуссии, теоретические рассуждения, а не на служение Богу.

На деле вышло обратное. Центром съезда оказалась именно литургия. Это был скорее не «съезд», а «паломничество», куда стекались не только члены Движения, но и ищущие утешения, жаждущие омовения души, духовного наставления и сил для более интенсивной духовной жизни в серой повседневности мира сего. Я видел таких «паломников» и говорил с ними.

Особенно сильным было впечатление от живого участия верующих в совершении литургии, так что чувствовалось дыхание Древней Церкви, подлинно «общественного служения», что и означает слово «литургия».

Ничего нет тяжелее для священника, как совершение литургии в «духовном одиночестве», когда чувствуешь, что присутствующие люди, хотя и молятся иногда совершенно искренно, но молятся «лично», каждый для себя, не чувствуя общности и не участвуя в литургии. И священнику тогда приходится все брать на себя, не только причащаться одному за всех, что является обычным примером нашей практики, но и даже духовно брать на свои, часто слабые и недостойные плечи «бремена» братии, чтобы литургия была действительно литургией. Это очень тяжелый крест пастырства, о котором почти каждый священник хорошо знает.

На съезде этого не было. Там чувствовалось дыхание приближающейся Пятидесятницы — «одно сердце и одна душа». А было это только потому, что каждый молящийся сознавал, что он лишь «часть от целого» и горевал, что его «я» в нем слишком сильно проявляется в жизни.

Исповедь, закончившаяся и в субботу и в воскресенье к полуночи, при трех, а потом четырех исповедывавших священниках, наглядно это показала. Приступание к Чаше не только в воскресенье, после исповеди, но и на следующий день, в понедельник, ясно свидетельствовало и о понимании Евхаристии, и о горячей жажде постоянного соединения со Христом. Если бы мы все, каждый день, жили такой жаждой и не боялись Чаши Христовой, боясь своих грехов, как много ненужного горя мы бы избежали!

Вот почему и для меня самого, и для тех с кем я говорил, съезд явился возрождающим, просвещающим и вдохновляющим событием в жизни, которое не забывается. Во всем этом чувствовалось не только не остывшее, но даже как-бы возросшее влияние покойного о. Сергия Четверикова и о. Александра Ельчанинова. Это было именно то, к чему они всегда нас направляли. Даже если бы ничего другого положительного и не было — эта живая духовная струя полностью съезд оправдала. Даже если

и было на нем что-нибудь неудавшееся или отрицательное — она, собою вознесла его на большую духовную высоту. Сила Божия побеждает наши немощи!

Много бы можно было сказать и о других сторонах съезда, как положительных, так и отрицательных, но когда солнце светит, то о ночи, звездах и луне говорить не тянет.

Хотелось бы только ответить всем тем, кто сам смущался и других смущал, двумя евангельскими словами: «прииди и виждь!».

Протоиерей Владимир Родзянко.

АПОСТОЛЬСКОЕ СЛУЖЕНИЕ

Слово к епископам и к народу, сказанное в день св. первоверховных апостолов Петра и Павла св. Григорием Двоесловом папой Римским († 12 марта 604).

«Жатвы много, а делателей мало». Не без величайшей грусти говорю я, что мало делателей для такой великой жатвы. Ибо, если многие готовы слушать доброе слово, то далеко не достаточно людей, чтобы его провозглашать. Смотрите, мир полон священников, но редко встречаешь делателя на жатве Божьей, ибо мы согласны облекаться епископским достоинством, но не исполнять обязанностей нашего Сана. Но смотрите, братья, смотрите что сказано далее: «Молите Господина жатвы, чтобы Он выслал делателей на жатву свою». Вам надлежит молиться за нас, чтобы мы достойно работали для вас, чтобы наш язык не замолкал, когда время призывать вас и чтобы, после приятия нами обязанностей учительства, мы не были осуждены за наше молчание Праведным Судьей. Ибо часто язык проповедников связан в наказание, за их грехи, но часто, также, слово Истины отнимается от епископов, поставленных во главу церквей, из-за грехов тех, кто им подчинен...

Мы должны себя почитать посланными как овцы среди волков, чтобы всегда сохранять правые чувства и избегать зла. Ибо тот, кто берет на себя подвиг проповеди, скорее должен переносить причиняемое ему зло, чем приносить зло другим. Он должен своею добротой украшать злобу тех, кто его гонит и, несмотря на приносимые ему самому раны, исцелять грехи гонящих его. Если забота о справедливости требует от него строгости к подчиненным, он должен руководиться любовью, а не жестокостью... Епископ исполняется этих качеств, когда он перестает любить себя. Вот почему Господь говорит: «Не берите ни серебра, ни сумы, ни са-

пог», ибо проповедник должен надеяться на Бога и с уверенностью знать, что средства, необходимые для настоящей жизни никогда не оскудеют у него...

Но есть, любимейшие братья, в жизни епископов великое зло, которое сокрушает меня. Дабы кто не подумал, что я желаю причинить кому-либо личную обиду, я самого себя первого в этом зле обличаю; вопреки моей воле, я поддаюсь требованиям варварской эпохи. Это зло заключается в том, что мы вдалились в занятия века сего и что наши действия не соответствуют достоинству нашего сана. Мы бросаем дело проповеди. Если мы призваны к епископскому званию, то это, вероятно, в наше-же наказание, ибо у нас только имя епископа, но нет достоинств. Те, кто нам вручены, отходят от Бога, а мы молчим; они гибнут во зле, а мы им и руки не протягиваем, что-бы вытянуть их. Ежедневно, они падают в различные пороки, а мы с безразличием смотрим, как они идут в ад. Но как мы можем исправлять чужие пороки, если мы пренебрегаем нашими? Ибо, занятые мирскими делами мы безразличны к судьбе душ и более привержены к материальным благам. И действительно, долгая приверженность к делам временным закрывает ум от горнего желания...

Господь сказал: «Употребляйте их в оборот, пока я возвращусь» (Лк. XIX, 13). Вот Он, братия, вот Он идет и спрашивает нас о прибыли нашей деятельности. Но где души, которые мы Ему покажем в качестве прибыли? Сколько снопов мы срезали на поле нашей проповеди? Поставим перед нашим взором День Гнева, когда Судья придет и спросит таланты, врученные нам. Смотрите, Он явится в страшном величии, окруженный ангелами и архангелами. При этом великом испытании, бесчисленные толпы избранных и проклятых приведутся пред Ним и дела каждого явятся. Там мы увидим Петра с обращенной им Иудеей. Туда Павел приведет обращенный им едва-ли не весь мир. Там — Андрей с Ахаией, Иоанн с Азией, Фома с Индией и, наконец, все святые пасторы стада Господня явятся там со всеми душами, приведенными ими проповедью к Богу. Когда мы увидим столько великих пастырей, приходящих со своими стадами к вечному Пастырю, что скажем мы, несчастные, не приведшие к Нему никого, приходящие к нему с пустыми руками, носившие имя пастырей, но не могущие привести ни одной из овец, порученных нам?...

Подумайте, братия, с вниманием об этом, поделитесь с ближними вашими, приготовьтесь отдать Всемогущему Богу плод, который Он ожидает от данного вам звания. Но мы скорее получим благодать для исполнения долга нашего через молитву, чем через слова. Помолимся же Богу:

«Боже мой, призвавший нас к пастырству народа Твоего, мо-

лим Тебя даровать нам благодать, дабы мы воистину были перед очами Твоими, такими, какими мы являемся людям, о Христе Иисусе Господе нашем и Сыне Твоем, живущем и царствующем со Отцем и Святым Духом во вся веки. Аминь».

СЛОВО НА УСПЕНИЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

произнесенное о. Сергием Булгаковым в 1943 г. *)

В славном Успении Твоем небеса радуются, и ангельская возрадовавшаяся воинства, вся же земля веселится. (Стих. на Хвал.).

Успение Богородицы по человечеству есть Ее кончина, которая для всякого умирающего есть скорбное разлучение души и тела. Но Она не познала скорби в час Своей кончины. Она уже ранее приняла эту смертную скорбь вместе с Сыном Своим, с Ним соумирая у креста. Скорбь была Ею изжита и побеждена в свете Его воскресения, когда Она узрела Воскресшего в славе Его. Поэтому и когда Он оставлял этот мир, возносясь от земли на небо, Она также не изведала скорби, ибо знала, что это было небесное Его прославление. Земная скорбь была изжита Ею до смерти, вместе и с собственной Ее жизнью. Она оставалась на земле уже не для Себя, но для Церкви, для которой была светлой радостью и духовным средоточием. Когда же пришел час Ее разлучения с миром, то над Нею надлежало исполниться всеобщему определению Божию: «земля еси и в землю отыдеши», и Она предала дух Свой в лоно Сына Своего. Она «представилась животу, матери сущи живота», а успение Ее явилось настоящим торжеством жизни в Духе Святе для Духоносицы. Не познало истления и Ее пречистое тело, носившее в себе Спасителя мира. Ранее его. Она воскресла из мертвых силою Христова воскресения и вознеслась на небо силою Его вознесения. «Ангелы успение Пречистые видевше удивившася, како Дева восходит от земли на небо». Посему и празднуем Успение Матери Божией как **Пасху Богородичную**. Однако, уместно ли нам человекам, ликовать об этом разлучении с Материю Божией в Ее успении? Радует ли мы, теряя в смерти близких своих

*) Печатается впервые.

и мать свою? Или же для нас не может быть скорби большей, чем это разлучение? И посему не приходит ли нам на мысль невольно, насколько радостнее была земля и мир сей, когда в нем жила Пречистая? А потому не естественнее ли было Ей навсегда остаться с ними на земле? Но вопрошая так, мы сами не понимаем, чего хотим и о чем просим. Успение Богородицы явилось благодетельным миру делом любви Ее к нам. В нем восхотела Она не отделяться от всего человеческого естества, которое дала Она Божественному Сыну Своему. Став Божией Материю, Она осталась и воистину человеком, для которого смерть является законом жизни, неотвратимым роком первородного греха. Однако, смерть была побеждена в Ее успении, ибо в нем воскресла Она силою воскресения Сына Своего. В Ее же лице предвоскресает и весь род человеческий, который Она сретаает во всеобщем его воскресении.

Это воскресение было для Нее и вознесением на небеса в славе Божественной, и «боголепной», и оно явилось столь же спасительным человечеству, сколь было спасительно и пребывание Ее на земле. Оно есть продолжение Ее дела. В нем и после него Она пребывает в не меньшей, и даже большей близости к нему, нежели была здесь на земле. Ныне Она есть Мать всего человечества, всегда и всюду во веки веков. «Во успении мира не оставила еси, Богородице», поет Церковь и надо уразумевать эту истину откровения. Пречистая, пребывая на небе, как «честнейшая херувим и славнейшая без сравнения серафим», все же не отделяется от нашего тварного мира. Сын Ее, вознесшийся в премирное небо и сидящий одесную Отца, пребывает выше мира, но Пресвятая Богородица принадлежит ему, пребывая на высшей его грани, как совершенно обоженное творение, «лествица к небеси». Она живет в мире и с миром, и в том великая для него радость. И эта особая Ее близость для нас ведома и ощутима, и, прежде всего, молитвенно, Она есть для нас «в молитвах неусыпающая и в предстательствах непреложное упование». Она милостивно дает чувствовать Свою близость к людям в чудотворных иконах и в явлениях Своих, которых удостоиваются смертные. И эта связь Ее с миром во успении и его неоставление есть некий молчаливый, таинственный, но незыблемый догмат церковного Ее почитания.

Однако, даже этого недостаточно, чтобы выразить всю полноту нашего о Ней упования. Ибо мы имеем не только ощутимость близости Ее к миру, но не можем не уповать и на личную с Нею встречу в этом мире, которого Она воистину не оставила. Когда мы разлучаемся с существом, для нас близким и любимым, то какая же иная мысль больше всего волнует наше сердце, наполняет его сладким очарованием, как не надежда новой с ним встречи? И ее мы, однако, лишаемся, когда проходит между нами грань

смерти, пресекающей это упование. Но успение Богородицы не является смертным с Ней разлучением, в нем Она не оставила мира. Господь, оставляя мир в Своем вознесении, обещал снова придти в него «таким же образом, как мы видели Его восходящим на небо» (Деян. Ап. I, 11) во Втором и славном пришествии Своем. И как бы в залог этого обетования Он научил христиан чаять этой встречи молитвенно. Они научены Церковью молитвенно призывать в молитве Иисусовой Его спасительную помощь, искать таинственного с Ним общения в причащении Тела и Крови Его. Но нам дано чаять и новой встречи с Ним, носить в сердце своем ее зов, тоску, упование, дано молитвенное призывание, которое есть первая и последняя, первохристианская и всехристианская молитва: «ей гряди, Господи, Иисусе» (Откр. 22, 20). Но не имеем мы подобного же упования о встрече Пресв. Богородицы, Ее новом пришествии в мир и к нам возвращении. И прежде того, встреча эта ждет нас, насколько мы того достойны, в час смертный, за границу земной жизни. Врата смерти пройдены Ею в честном Ее успении, и, верим, там встречают Ее восходящие в высь на этом пути. Посему и успение Богородицы становится особенно для нас близким чрез откровение смерти сродников наших, как — верим — и нашей собственной, нас ожидающей. Веруем также, что Пресвятая Богородица, в успении Своем нас не оставляющая, близка и загробному миру. Она ведет его и воспитывает вместе со св. ангелами, материнской любовью и попечением к грядущему воскресению, Ее помощью возрастают души в меру возраста совершенного, созревают к воскресению.

Но теперь, не кажется ли нам иногда в маловерии нашем, что Богородица оставила мир в эти години страшных испытаний, когда человечество, зверея, истекает кровию? Однако, именно теперь то и становится ощутимее Ее приближение к нему, уготовляется путь для Ее нисхождения в мир, нового в него пришествия. Нам надлежит веровать и исповедовать, что Богородица чрез успение Свое приближается к грядущей встрече с Ним. Господь приходит в мир во Втором пришествии Своем не один, но со всеми ангелами и святыми, и Пречистая грядет во главе этого небошественного нисхождения. Чаяние этого брачного часа невесты и Матери Христовой должны мы носить в сердцах наших. И если мы всегда молимся Ей: Пресвятая Богородица, спаси нас, то и благоговейным шепотом прибавляем ныне эту пасхальную молитву честного Ее успения: ей гряди, Пресвятая Богородице.

АМИНЬ.

Прот. С. Булгаков († 1944)

О ПРИЗЫВАНИИ ИМЕНИ ИИСУСА ХРИСТА

Предлагаемая работа *) носит чисто-практический характер. Цель ее помочь христианам в миру — а возможно и в монастырях — следовать «пути призывания» Имени.

I. Форма призывания Имени.

И спросил Иаков, говоря: скажи мне имя Твое. И Он сказал: на что Ты спрашиваешь о имени Моем? И благословил его там. (Бытие 32,29).

1. Призывание Имени Иисусова может быть осуществляемо различным образом. Каждый человек должен сам выбрать ту форму, которая наиболее подходит к его личной молитве. Но какой бы формулой ни пользоваться, само святейшее Имя, слово «Иисусе» является центром, сердцевиной призывания. В нем то и заключается вся сила призывания.

2. Можно употреблять одно только Имя Иисусово, но можно вставить это Имя в более или менее распространенную словесную формулу. На Востоке наиболее общепринятой является: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

Можно просто говорить «Иисусе Христе!», или «Господи Иисусе!» Можно свести все призывание к единственному слову: «Иисусе».

3. Эта последняя форма — одно только Имя Иисусово — является древнейшей. Она самая краткая, проще всех и, как нам кажется, наиболее удобная. Поэтому, не унижая остальных формул, мы предлагаем пользоваться только словом «Иисусе».

4. Итак, когда мы говорим о призывании Имени, мы подразумеваем благоговейное и частое повторение самого Имени, слова «Иисусе» без всяких добавлений. Само Святейшее Имя есть уже молитва.

5. Имя Иисусово можно произносить устами или молчаливо мыслить его. В обоих случаях мы имеем подлинное призывание Имени — «словесное» в первом случае и «мысленное» — во втором. Эта молитва дает возможность легче перейти от «словесной»

*) On the Invocation of the Name of Jesus, by a monk of the Eastern Church. The Fellowship of St. Alban and St. Sergius, 52, Ladbroke Grove, London, W. 11.

В настоящем переводе пропущены главы «Имя Иисусово и Церковь» (VIII) и «Имя Иисусово и Евхаристия» (IX).

к «мысленной» молитве. Даже словесное повторение Имени, если оно производится медленно и сосредоточенно, постепенно переходит в мысленную молитву и располагает душу к созерцанию.

II. Способы призывания Имени.

Буду уповать на имя Твое (Пс. 51,11).

6. Призывание Имени можно совершать везде и во всякое время. Мы можем произносить Имя Иисусово на улице, на работе, дома, в Церкви и т. д. Мы можем повторять его на прогулке. Но помимо этого «свободного» призывания Имени, ничем не связанного и не ограниченного никаким правилом, полезно отвести определенное время и место для «регулярного» призывания Имени. Человек, уже преуспевший в этой молитве, может обойтись без внешних рамок, но они являются почти неизбежным условием для начинающих.

7. Ежедневно, отводя определенное время для призывания Имени (сверх вышеупомянутого «свободного» призывания, которое должно быть возможно более частым), мы должны совершать его — если позволяют обстоятельства — в уединенном и тихом месте: «ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне» (Матф. 6,6). Положение тела при молитве не имеет большого значения. Можно ходить, сидеть, лежать или стоять на коленях. Самое лучшее положение то, которое предоставляет больше всего физического покоя и внутренней сосредоточенности. Молитве способствует такое положение тела, которым выражается смирение и благоговение.

8. Перед тем, как начать призывание Имени Иисусова, установите внутри себя мир и внимание и просите Духа Святого подать Свою благодать и помощь: «Никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым (Кор. 12,3). Имя Иисусово не может проникнуть в сердце, не очищенное предварительно дыханием и огнем Духа. Сам Дух внушит нам Имя Сына и воспламенит его в нас.

9. Затем просто начинайте. Для того, чтобы пойти, надо сделать первый шаг; для того, чтобы поплыть, надо броситься в воду. То же самое произойдет с призыванием Имени. Начните произносить его с благоговением и любовью. Держитесь за него. Повторяйте его. Не думайте о том, что вы его призываете, думайте только о Самом Иисусе. Выговаривайте Его Имя медленно, легко и спокойно.

10. Обычная ошибка всех начинающих заключается в том, что призывание Святейшего Имени они стремятся соединить с внутренним напряжением или чувством. Они стараются произносить его, с большой силой. Но Имя Иисусово не надо, даже внутренне, выкрикивать с напором. Когда Господь повелел Илии стать перед Ним,

сначала поднялся сильный ветер, но не в ветре был Господь; после ветра началось землетрясение, но не в землетрясении был Господь; после землетрясения возгорелся огонь, но не в огне был Господь; после огня — веяние тихого ветра и в нем был Господь. «Услышав сие, Илия закрыл лицо милотию своею и вышел и стал...». (3 Царств. 19,13). Напряженные усилия и поиски интенсивности в данном случае непригодны. Повторяя Святейшее Имя спокойно, понемножку собирайте вокруг него свои мысли, чувства и волю; собирайте вокруг него все ваше существо. Пусть это Имя проникнет в вашу душу как капля масла, которая распространяется и пропитывает собой ткань. Пусть ничто в вас не останется ему чуждым. Отдайтесь ему целиком, заключитесь в нем.

11. Даже в процессе призывания Имени буквальное его повторение не должно быть непрерывным; Имя при произношении его может быть удлиняемо, задерживаемо на секунды и минуты, молчаливого покоя и внимания. Повторение Имени можно уподобить взмахам крыльев, которыми птица поднимается на воздух. Оно не должно быть усиленным, напряженным и торопливым. Напротив того, плавным, легким и — придадим этому слову его глубочайший смысл — грациозным. Когда птица достигла желательной высоты, она парит и только иногда, бьет крылом, чтобы удержаться в воздухе. Так и душа, достигнув памяти Иисуса и насытившись ею, может перестать повторять Имя и упокоиться в Господе.

Повторение нужно возобновить только тогда, когда другие помыслы начнут угрожать вытеснить из нашей души мысль об Иисусе. Тогда надо снова взяться за призывание, чтобы предать ему новую силу.

12. Продолжайте это призывание сколько хотите или можете. Молитва естественно прерывается утомлением. Тогда не настаивайте. Но как только почувствуете себя снова расположенными к ней, возобновите ее в любое время и в любом месте. Со временем вы увидите, что Имя Иисусово само появится у вас на устах и будет почти всегда пребывать в уме, хотя в неподвижном и скрытом виде. Даже сон ваш будет проникнут Именем и памятью Иисусовой. «Я сплю, но сердце мое бдит» (Песнь Песней 5,9).

13. Когда мы приступаем к призыванию Имени, мы естественно должны надеяться и стремиться достигнуть некоего «положительного» или «ощутимого» результата, т. е. чувства, что у нас установился подлинный контакт с Богом: «если только прикоснусь к одежде Его, выздоровлю» (Мф. 9,21). Это блаженное ощущение и есть вожденная цель и вершина призывания Имени: «Не отпущу Тебя, пока не благословишь меня» (Быт. 32,26). Но мы должны избегать чрезмерного стремления к таким ощущениям;

религиозное возбуждение может легко оказаться замаскированной и опасной формой духовного сладострастия и чувственности. Не будем думать, что если мы провели некоторое время в призывании Имени и ничего при этом не чувствовали, то мы потратили его даром и что наши усилия остались бесплодными. Наоборот, эта, на вид сухая, молитва могла быть угоднее Богу, чем моменты духовного восторга, потому что она была чиста от эгоистических поисков духовного наслаждения. Это — молитва является проявлением исключительно одного только волевого напряжения. Поэтому мы должны упорно продолжать ежедневно выделять время для призывания Имени даже в том случае, когда нам кажется, что молитва суха и холодна; и такое усилие воли, такое трезвое «служение» Имени Иисусову не может не привлечь к нам Божией благодати и помощи.

14. Кроме того, призывание Имени редко оставляет нас в состоянии сухости. Люди, имеющие некоторый опыт в молитве, согласно утверждают, что она очень часто сопровождается внутренним чувством радости, теплоты и света. Получается впечатление, словно двигаешься и ходишь в свете. «Имя Твое, как разлитое миро... влеки меня, мы побежим за Тобою» (Песнь Песней 1,2-3).

III. Призывание Имени Иисусова, как духовный путь.

Укреплю их в Господе, и они будут ходить во имя Его.

(Захарий 10,12).

15. Призывание Имени Иисусова может явиться просто эпизодом на нашем духовном пути (этимологически, эпизод — это именно то, что случается «на пути»). Оно может быть для нас лишь **одним** из многих духовных путей. Но оно может также сделаться **нашим** путем, т. е. тем, который мы окончательно и преимущественно (если не исключительно) избираем. Другими словами, призывание Имени может явиться для нас либо молитвой, которой мы пользуемся временно и потом переходим к другим, либо чем-то большим, — методом, который мы постоянно применяем, в виде добавления к другим способам молитвы; либо, наконец, методом, вокруг которого мы окончательно строим и организуем всю нашу духовную жизнь. Все это зависит от нашего личного призвания, от обстоятельств и возможностей. В данной работе мы имеем в виду только «начинающих», тех, кто желает приобрести первоначальные понятия об этой молитве и соприкоснуться со Святейшим Именем, а также тех, которые после первой встречи с ним желают вступить на «путь Имени». Что же касается тех, кто уже умеет пользоваться призыванием Имени и применять его как

метод духовной жизни, и притом как единственный метод — эти люди уже не нуждаются в наших советах.

16. Мы не должны приступать к призыванию Имени по случайному капризу или по собственному произволу. Мы должны быть к этому призваны и направлены Богом. Если мы пытаемся пользоваться призыванием Имени как главным духовным методом, выбор этот должен явиться следствием послушания совершенно особенному призыванию. Всякое духовное делание, а тем более духовное устроение жизни, основанное на случайном капризе, сокрушится самым жалким образом. Поэтому мы должны быть направлены к призыванию Имени Иисусова Духом Святым; тогда призывание Имени окажется в нас действием Самого Духа.

17. Безошибочного признака того, что мы призваны на путь Имени не существует, тем не менее могут быть некоторые указания этого призвания, которые нам надлежит смиренно и тщательно исследовать. Если мы чувствуем, что нас влечет к призыванию Имени, если этот метод увеличивает в нас любовь, чистоту, послушание и мир, если другие молитвы становятся для нас более трудными — мы можем с некоторым основанием заключить, что путь Имени для нас открыт.

18. Каждый, кого привлекает к себе путь Имени, должен остерегаться, чтобы не уничтожать других форм молитвы. Не будем говорить: «Призывание Имени самая лучшая молитва!». Для каждого наилучшей молитвой является та, к которой его направляет Дух Святой. Тот, кто занимается призыванием Имени не должен поддаваться искушению навязывать другим именно этот род молитвы. Не будем торопиться говорить Богу: «Буду возвещать имя Твое братьям моим» (Ис. 21,23), если Он Сам не возложил на нас этой миссии. Лучше будем смиренно хранить про себя Божьи тайны.

19. С полной достоверностью мы можем утверждать следующее: призывание Имени Иисусова упрощает и собирает воедино нашу духовную жизнь. Нет молитвы более простой, чем эта однословная молитва, в которой Святейшее Имя становится центром всей жизни. Сложные молитвы часто утомляют и рассеивают мысль. Имя же Иисусово вбирает все в себя. Оно обладает силой объединения и интеграции. Та раздробленная личность, которая могла сказать: «Легион имя мне, потому что нас много» — вновь обретет свою цельность в Священном Имени: «Утверди сердце мое в страхе имени Твоего» (Пс. 85,11).

20. Призывание Имени Иисусова не следует понимать как «мистический путь», который мог бы нас избавить от необходимости аскетического очищения. В духовной жизни не существует сокращенных тропинок. Путь Имени предполагает постоянное внимание к

своей душе. Надо избегать греха. Но в этом отношении возможны два различных приема: одни охраняют свой ум, память и волю для того, чтобы произносить Святейшее Имя с большим вниманием и любовью; другие произносят Святейшее Имя, чтобы сделаться более внимательными и более деятельными в своей любви. На наш взгляд последний из этих двух путей наилучший. Само Имя является средством очищения и совершенствования, пробным камнем, фильтром, через который нужно пропустить все наши слова и действия, чтобы их освободить от всякой нечистоты. Ни одного слова и дела мы не должны принимать, пока мы их не проведем **сквозь** Имя — и само Имя исключит все элементы греха. Нами должно приниматься только то, что совместимо с Именем Иисусовым. Мы наполним свое сердце Именем и памятью Иисусовой до краев, мы будем его заботливо держать, как драгоценный сосуд и оберегать от всяких примесей и подделок. Это — суровый аскетизм. Он требует от нас забвения себя, умирания себе по мере того, как Святейшее Имя будет расти в нашей душе: «Ему должно расти, а мне умалеться» (Ио. 3,30).

21. Нам надо рассмотреть призывание Св. Имени по отношению к другим видам молитвы. Мы не коснемся молитвы литургической и монастырской, поскольку мы здесь интересуемся только индивидуальной и частной молитвой. Мы их не обесцениваем. Их соборный характер и незыблемость делают их чрезвычайно полезными. Но предоставим самим церковным людям и членам монашеских общин решать вопросы, совместимо ли призывание Имени и, в какой мере, с установленными у них чинопоследованиями. Наш вопрос касается главным образом отношения призывания Имени к другим видам индивидуальной молитвы, например, к «диалогической» молитве, при которой мы то внимаем Богу, то говорим Ему, к чисто созерцательной и безмолвной молитве, «prayer of quiet» and «prayer of union». Должны ли мы их оставить ради призывания Св. Имени или наоборот? или мы должны употреблять оба? Ответ на это надо в каждом отдельном случае предоставить Богу. В некоторых особых случаях божественное побуждение к призыванию Имени может заставить нас отбросить все другие молитвенные формы. Но мы думаем, что путь Имени широк и свободен; в большинстве случаев он совместим с теми состояниями души, когда она внимает внутреннему Слову и отвечает Ему. То же самое и с периодами полного внутреннего молчания. Кроме того, мы никогда не должны забывать, что в каждый данный момент наилучшей формой молитвы является та, к которой нас направляет Святой Дух.

22. Для начинающих очень полезны советы и мудрое руководство какого либо духовного «старца», имеющего свой собствен-

ный опыт в призывании Имени. Лично мы бы советовали обратиться к такому руководителю. Но в этом нет крайней необходимости. «Когда же придет Он, Дух Истины, то наставить вас на всякую истину» (Ио. 16,13).

IV. Призывание Имени, как Богопочитание.

«Буду славить имя Твое вечно» (Пс. 85,12).

23. До сих пор мы рассмотрели призывание Имени Иисусова в общих чертах. Теперь нам надлежит выявить различные аспекты этого призывания. Первый из них — поклонение и почитание.

24. Слишком часто наши молитвы ограничиваются прошением, ходатайством и покаянием. Как мы увидим в дальнейшем, к Имени Иисусову можно прибегать во всех этих случаях. Но на первом месте должна стоять бескорыстная молитва, хвала, воздаваемая Богу за Его величие, взгляд направленный к Нему с глубочайшим благоговением и любовью, восклицание Фомы: «Господь мой и Бог мой».

25. Призывание Имени Иисусова должно дать нам сознание Его присутствия. Это имя является символом и носителем Личности Христа. Иначе призывание Имени было бы простым словесным идолопоклонством: «буква убивает, а дух животворит» (Кор. 3,6) В присутствии Иисуса и заключается подлинное содержание и сущность Святейшего Имени. Имя одновременно означает присутствие Иисуса и дает ощущение реальности этого присутствия.

26. Это и приводит к чистому Богопоклонению. Произнося Имя, мы должны отозваться на присутствие Господа: «И падши, поклонились Ему» (Матф. 2,4). Глубокое и внимательное произнесение равносильно знанию того, что Господь — Все, а мы — ничто. И в сознании этого мы будем Ему поклоняться и Его чтить. «Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено» (Фил. 2, 9-10).

Архим. Лев Жиллэ.

(Продолжение следует).

SOLA FIDE

Лютер и католическая церковь.

(Две главы из незаконченной и неизданной книги Льва Шестова).

Лев Исаакович Шестов (Шварцман), известный русский философ, обладавший исключительным литературным дарованием. Род.

в Киеве 31-го января 1866 г., скончался в Париже 20-го ноября 1938 года.

Библиография трудов Л. И. Шестова:

I. Шекспир и его критик Брандес, СПб., 1898. II. Добро в учении Толстого и Нитше, СПб. 1900. III. Достоевский и Нитше, СПб. 1903, Берлин, 1923. IV. Апофеоз беспочвенности, СПб., 1905. V. Начала и концы, СПб., 1908. VI. Великие кануны, СПб., 1912. VII. Власть ключей, Берлин, 1923. VIII. На весах Иова, Париж, 1929. IX. Киркегард и экзистенциальная философия, Париж 1939. X. Афины и Иерусалим, Париж, 1952. XI. Сборник статей (неиздано). XII. Sola Fide. (неиздано).

I.

«Легенда о великом инквизиторе» Достоевского по замыслу своему должна представлять из себя беспощадную критику католицизма. Я очень сомневаюсь в том, чтобы у Достоевского была возможность и досуг основательно ознакомиться с прошлым и настоящим католицизма. Он знал, конечно, и о властных папах, жестоких и своекорыстных, и об индульгенциях, об иезуитах, не останавливающихся ни пред какими средствами, и об инквизиции — это все знают. Знал он то, что всем известно и о реформации, и о Лютере, восставшем против католичества. Но и к Лютеру и к католичеству относился он с равной ненавистью главным образом потому, что все, что пришло из Европы было у него на дурном счету, внушало ему одни лишь подозрения.

Развитая в «Легенде» идея о внутреннем смысле и назначении католичества, если в нее вдуматься, может быть отнесена и в самом деле ко всей духовной жизни Европы — как она рисовалась Достоевскому. Главный грех Европы — это ее неверие. И что бы ни делали наши западные соседи, в чем бы их творчество ни проявлялось — в науке, литературе, философии, богословии, — на всем должна была быть каинова печать неверия.

Европейское христианство не лучше европейской науки. Как наука в Европе довлеет только себе, т. е. человеческому разуму, так и Европейская религия полагается только на то, что человек сам может понять, сам может сделать. В этом смысле «легенда» о великом инквизиторе говорит даже гораздо больше, чем может показаться с первого взгляда. Она подводит итоги двухтысячелетней истории Европы. Вы много, очень много сделали — заявляет Достоевский своим западным соседям, но за то, что вам удалось добыть, вы заплатили страшной ценой. И вы сами знаете, не можете не знать, какую жертву принесли вы на алтарь вашей цивилизации и лучшие, проницательнейшие между вами мучительно изнемогают под бременем взятой ими на себя колоссальной ответственности. Ве-

ликий Инквизитор — воплощение всего, что было наиболее человеческо и наиболее значительного в Европе, должен признать пред лицом Того, от Которого ничего не скрыто — что для европейцев принесенная с востока благая весть о том, что миром правит Тот, Кто стоит над человеком и его разумом, оказалась не приемлемой. Пришедший с востока свет западным людям представился беспросветной тьмой. По историческим причинам нельзя было открыто отречься от возвешенной истины — и католичеству остался один выход — постепенно, в течение веков, подменить загадочное божественное слово понятным человеческим. Оно это и сделало — на том месте, где должна была быть истина оно воздвигло видимую, доступную людям, католическую церковь. Великий инквизитор прямо и открыто говорит своему таинственному гостю: мы не с Тобой, а с ним, т. е. с Твоим вечным, непримиримым врагом. Наш настоящий вождь и господин, это дьявол, Антихрист. Его можем мы понять, ему можем служить, ибо он со слабыми, беспомощными существами говорит доступным и понятным им, разумным языком. То же, чего требуешь от нас Ты — подчинить разум вере — мы исполнить не можем. Для нас, людей, источником света всегда был и будет разум и там, где власть разума кончается, начинается вечная, беспросветная тьма, — самое страшное, что только может быть придумано. И туда, в эту тьму, которую Ты хочешь, чтоб мы считали светом, мы никогда не шли и никогда не пойдём. Наша святая, католическая церковь исправит Твое дело. Она даст людям то, что им нужно. Она принесет им прочность и уверенность, вместо Твоей свободы — она даст основанный на твердом, неизменном авторитете порядок. Она покажет тайну, — но не потребует, чтоб люди к ней приобщились. Она обещает чудо — и люди воочию увидят, хотя его и не будет. Ибо толпа — зрители, вместе с актерами — избранниками равно заинтересованы в том, чтоб и чудо, как тайна, всегда держались в отдалении. Никто не станет приглядываться и проверять, никто не станет проникать в тайну. Наш авторитет и наша непогрешимость оправдают себя иначе. По плодам судят о дереве. А мы дали человечеству то, что ему больше всего нужно — мы дали ему прочный, неизменный порядок — в его понимании отождествленный с последней и величайшей истиной. Ты хотел свободы, неограниченного, Ты хотел, чтоб человек стал богом — и мы от Тебя ушли. Твой враг предложил нам ограниченный разум — ибо разум неограниченным быть не может — и мы приняли его дар, как благовесть, а Тебя отвергли. Мы не с Тобой, а с ним.

Так говорит Достоевский в легенде о великом инквизиторе о католической церкви. Мне неизвестно, откликнулся ли католический мир на грозное обвинение русского писателя. В тех, довольно мно-

гочисленных католических трактатах, богословских писаниях, с которыми мне пришлось ознакомиться, его имя ни разу не было упомянуто. И я думаю, что это не простая случайность. Ведь то же обвинение, которое предъявил католичеству Достоевский, уже однажды — и уже давно было ему предъявлено — и еще с большей, во много раз большей силой и страстностью убеждения. За три с половиной столетия до Достоевского Лютер назвал папу Антихристом, а католическую церковь — антихристовой.

Как я уже заметил раньше, есть все основания полагать, что Достоевский о личности Лютера и о его деле имел самые смутные сведения. Это тем более вероятно, что не только в России, но и в Германии, роднике и классической стране лютеранства, в конце концов, — если исключить специалистов богословов и ученых — о деле и задачах Лютера очень мало знают. Больше того — я уверен, что, если бы предъявить благочестивому лютеранину наиболее замечательные из сочинений Лютера — напр. «De servo arbitrio» он бы с ужасом отшатнулся от него. Боюсь, что и сам Достоевский, который в «легенде о великом инквизиторе» буквально повторяет все то, что жило в душе Лютера, когда он выступал, еще никому не известный монах, со своими лекциями о послании ап. Павла к Римлянам — сам Достоевский, если бы ему предъявить «De servo arbitrio» — или даже о вавилонском пленении церкви — предпочел бы лучше остаться с католичеством, чем пойти за Лютером. Иначе говоря, мне представляется, что справиться с открывшейся Лютеру истиной едва ли было бы под силу Достоевскому. Мы, конечно, не можем судить, в какой связи находилось духовное развитие Достоевского с тем, что было до него сделано Лютером. Мысли Лютера, несмотря на то, что реформация, как мы увидим ниже, постаралась приспособить их к нуждам обыденности и для этого произвела над ними такую же операцию, какую по словам Достоевского католичество произвело над подвигом Христа — мысли Лютера все же не прошли бесследно для человечества и сквозь толщу веков могли просочиться до отдельных людей с повышенной духовной восприимчивостью. Может быть, без Лютера Достоевский и не проник бы в последнюю тайну католичества, т. е. может быть ему не пришлось бы в голову искать неверия в тайниках наиболее глубоко скрытых человеческой души. Но, так или иначе, вслед ли за Лютером, или совершенно самостоятельно (я не исключая и такой возможности и, если бы такое допущение оказалось верным, для нас было бы это особенно интересно и поучительно) пришел Достоевский к своей оценке католичества — мы должны остановиться пред поразительным, почти невероятным фактом: там, где все люди в течение десятков столетий, видели самый могучий и надежный оплот веры, там было пристанище самого страшного и

опасного неверия. Открытого неверия человечество не приняло и враг человеческого рода—да сбудется предсказание—обманул людей, коварно прикрывшись ризами истинного благочестия. «Una sancta, vera ecclesia» та церковь, которая тысячелетиями возвещала, —и до сих пор возвещает, что вне ее нет спасения,—«extra ecclesiam nemo salvatur» — вела сотни миллионов, миллиарды доверчивых людей прямым путем к гибели. Так утверждал и Лютер, то же рассказал нам, через 350 лет после Лютера и Достоевский. В каком ужасном мире живем мы, если возможны такие потрясающие, невероятные обманы?

II.

Я сказал, что в легенде о великом инквизиторе Достоевский повторил лишь то, что задолго до него сказал Лютер. Вопреки широко распространенному мнению борьба Лютера с католичеством вовсе не имела своим началом столкновение его с Тетцелем по поводу индульгенции. Это столкновение произошло в 1517 году (тезис Лютера об индульгенциях был вывешен 31-го октября 1517 г.), внутренний же перелом, уже фактически оторвавший Лютера от Рима произошел гораздо раньше. Известный католический ученый, доминиканский монах Генрих Денифле только недавно в 1904 г. извлек из ватиканского архива до того времени нигде не опубликованную работу Лютера «Vorlesungen», которую он положил в основание своего большого, наделавшего так много шума, исследования о Лютере. Эти лекции составлены в 1515/16, т. е. еще задолго до истории с Тетцелем — и в них уже вылилось если не все, то почти все, что накопилось в душе тогда еще молодого монаха (Лютеру тогда было всего 33 года). Теперь эти «Vorlesungen» уже напечатаны и доступны всем, но еще в 1906 году такой крупный немецкий историк, как Лоофс, мог пользоваться этим сочинением только по сделанным у Денифле извлечениям. Так вот в этих «Vorlesungen», говорю я, мы уже находим весь тот взрывчатый материал, который, очевидно, давно уже откладывался в душе Лютера и ждал только какого угодно внешнего толчка, чтоб разрядить скрывавшуюся в нем разрушительную (или творческую) силу. В комментарии к Римлянам Лютер вовсе не касается ни папы, ни католичества. Наоборот, он выступает, как истинный сын церкви, ему кажется, что он возвещает лишь то, что сам принял от католичества. Не то, что бы он не замечал безобразной жизни современного ему духовенства. Ни для него, да и ни для одного зоркого человека не было тайной, что церковная жизнь конца 15 и начала 16 столетия, была далеко не на уровне не только христианского, но и самого скромного языческого идеала. Это, конечно, очень смущало и огорчало всех верных сынов католичества, это вызы-

вало на борьбу и протест. Но борьбу не против церкви, а за церковь — против недостойных служителей ее, оскверняющих свой высокий сан. Католические богословы до настоящего времени выражают свое глубокое сожаление именно по поводу того, что блестяще одаренный Лютер направил свои таланты не на обличение язв современного ему духовенства. Если бы он боролся в этом направлении — церковь взяла бы его сторону и прославляла бы его память, как прославляла память других преданных ей сынов. Священники и монахи забывали свое божественное призвание и предавались мирским заботам и мелким страстям; церковь сама знала, что нужно сделать страшное усилие, чтоб вновь поднять на надлежащую высоту так низко павшее духовенство. Были и другие вопросы и заботы, которые требовали огромного напряжения ума и воли со стороны лучших представителей верующих католиков.

Все сознавали, что церковная жизнь нуждается в коренных преобразованиях, что назрело много неотложных и трудных вопросов, чисто богословского характера.

Но Лютер прошел мимо всего этого. Он не хотел направлять совратившихся монахов на путь истины, он не заботился о частных теологических вопросах. Т. е., когда ему, по его положению профессора или старшего наблюдателя за монастырями своего ордена приходилось читать лекции, или подтягивать разнузданную братию — он, как и полагается настоящему монаху, исполнял добросовестно возложенные на него обязанности. Но его мысль была далека от его повседневных занятий. Его забота, та забота, которой он, хотел — не хотел, отдавал лучшие силы своей души, которая лишила его сна и душевного покоя, из которой выросло впоследствии его служение, ничего общего с его обыкновенными обязанностями не имела. Даже, скорее наоборот — чем добросовестней и настойчивей исполнял он возложенные им на себя обеты, тем больше росла эта мучительная забота. Так что можно сказать, что была несомненная внутренняя связь между его монашеским служением и происходившим в его душе перерождением. И это станет понятным, если мы, упреждая несколько последующее изложение, формулируем пока в нескольких словах представшую пред Лютером новую задачу.

Лютер был монахом и верующим католиком. Стало быть он был убежден в том, что каждый человек в свое время предстанет пред грозным и нелицеприятным Судьей, Который произнесет над ним свой последний приговор. Каждого из нас ждет либо вечное блаженство, либо вечная гибель. Как мы увидим, Лютер во всем сомневался. Он не боялся идти вместе с Оккамом до самых крайних пределов в критике общепринятых моральных, философских и теологических предпосылок. Он не побоялся заподозрить в самом папе

и во всей католической церкви слуг антихриста. Но ему никогда и в голову не приходил вопрос о том, что, может быть, его представления о страшном суде ложны. Может быть, никто, нигде никого никогда не судил и судить не будет. Как раз то предположение, которое в настоящее время так легко допускается людьми, которое кажется столь естественным и даже неопровержимым — оно для Лютера было абсолютно неприемлемым. С той уверенностью, с которой в настоящее время какой-нибудь позитивист, или материалист предпосылает всем своим размышлениям принцип развития или естественной связи явлений, с той, даже еще с большей уверенностью, которую знают лишь фанатики и испуганные, говорил Лютер о страшном суде. Для него не было вопроса — ждет ли действительно одних людей гибель, других вечная жизнь. Он спрашивал себя только об одном — как человеку спастись, как мне избежать вечной смерти. И, если Лютер, если жизнь и дело Лютера приобретают в наших глазах такой необыкновенный, исключительный интерес, то только потому, что ему пришлось стать лицом к лицу с этим грозным вопросом. Не берусь сказать — сделала ли огромная личность Лютера его вопрос таким грандиозным или, наоборот, Лютер вырос до таких исполинских размеров в виду того, что ему пришлось стать лицом к лицу с такой колоссальной и страшной задачей. Может быть, последующее изложение и разъяснит нам кое-что. Пока только отмечу следующее: во всех раньше разобранных мною произведениях Толстого — в его бесконечных «Записках сумасшедшего» — т. е. в «Отце Сергии» в «Свет и во тьме светит», в «Смерти Ивана Ильича», в «Хозяине и работнике» мы видим то же, что и у Лютера. Я, главным образом, для того и занялся вновь Толстым, чтоб через его произведения, написанные для всех доступным современным языком, перекинуть мост к концу средневековья и к Лютеру и затем, через Лютера и отчасти через бл. Августина, к наиболее замечательному и проблематическому провозвестнику Евангельской благодати, Апостолу Павлу. Толстой не только не богослов, Толстой, как известно, самый непримиримый враг богословия. Он никогда Лютера не читал, но, если бы ему попались на глаза сочинения Лютера, он бы с отвращением и негодованием отверг их. Бедь Лютер взял у Апостола Павла как раз то учение о спасении верой, которое Толстой заклеил со свойственной ему одному беспощадностью, как учение безнравственное и кощунственное. А Лютер мало того, что он принял это учение от великого Апостола — он счел нужным и возможным со всей резкостью и силой, на которые он был способен — а ни в том, ни в другом у него не было недостатка — подчеркнуть как раз те места в учении Апостола, которые наиболее всего оскорбляют и здравый смысл и нашу нравственную святыню. Р. III, 27 — он считал ключем ко всему Еван-

гелию. В этих словах — как и при каких обстоятельствах, увидим ниже — он нашел ответ на измучивший его вопрос. Он так убежден был, что здесь кроется величайшая тайна Евангельского откровения и так верил, что ему одному, впервые за 15 веков исторического существования христианства удалось, наконец, постигнуть во всей полноте эту тайну, что впоследствии позволил себе даже в переводе своем изменить — и по существу очень значительно изменить — этот и без того с таким трудом приемлемый человеческим сознанием стих.

В греческом тексте значится: «Loguizometha gar dikaiousthai pistèi anthrôpon choris ergôn nomou», т. е. мы заключаем, что человек оправдывается верой без дел закона. Лютер сделал в своем переводе прибавление: «dikaiousthai pistei anthrôpon» т. е. оправдывается верой, перевел: «justificare hominem sola fide» т. е. одной только верой. И, когда ему указывали, что он своевольно видоизменил текст священного Писания, он еще своевольней и дерзновенней ответил: «sic volo, sic jubeo — sit pro ratione voluntas». Одновременно с этим он позволил себе еще не меньшее дерзновение. Писание Апостола Иакова, издревле принадлежавшее к св. Писанию, он объявил апокрифическим — главным образом потому, что в нем находились слова, наиболее часто приводимые его противниками в возражении против его понимания оправдания — «вера без дел мертва» (Иак. II, 17, 24 и 26). Верой, одной верой и только верой спасается человек — это та благая весть, которую вырвал Лютер у антихристовой католической церкви.

Он, как и Достоевский, был убежден, что католическая церковь отлично знала, что благая весть, принесенная Евангелием, вся целиком была в этих словах. Но католическая церковь не хотела принять истины Божией. Она была не с ним, а с Его вечным врагом. И, чтобы не допустить человечество к спасению, она подменила Его божественное учение своим собственным, человеческим. На место веры поставила дела и убедила человечество собственными силами искать вечной жизни. В этом страшное ее преступление — и чтоб освободить людей от цепей антихристовых Лютер решился поднять великую тяжесть — выступить против церкви, объявить священную войну папе.

Нечего и говорить, что если бы Толстому представить в таком виде учение Лютера — он бы пришел от него в такое же негодование, в какое его приводило учение Нитше «по ту сторону добра и зла». Больше того, он, вероятно, и не понял бы — из-за чего тогда католики восстали против Лютера и что Лютера оскорбило так в католичестве. Разве католическая церковь отвергала когда-нибудь послания ап. Павла? И разве, дальше, католическая церковь сама не считала основным своим догматом догмат об испу-

лении? Разве не учила она, что человек не может спастись своими силами и, что потому именно и сошел на землю и воплотился Сын Божий, чтоб спасти людей от гибели? Ведь вопрос о «justificatio» был поднят за 1000 лет до Лютера и в знаменитом споре бл. Августина с Пелагием, церковь без колебания приняла сторону первого и осудила учение Пелагия, как еретическое именно потому, что он, хотя и не отвергал благодати, но признавал ее в ограниченной степени, и слишком большое значение придавал подвигам личного совершенствования. Все это верно и обó всем этом нам еще придется говорить. Но именно для того, чтобы современный читатель, забывший или никогда не знавший богословской терминологии, не думал бы, что все эти причудливые и архаические идеи, в сфере которых разыгралась великая трагедия Лютерова отступничества, потеряли для нас всякий смысл, я тут же скажу, что при всем внешнем несходстве, Толстой и Лютер говорили и делали одно и то же. Лютер носил рясу и выбривал тонзуру — Толстой ходил в зипуне и сапогах и отпустил бороду и волосы. И разница внешняя была так велика, что ни тот, ни другой никогда бы и не заподозрили, до какой степени духовно близки они друг к другу. Но на деле это было так. Толстой, как Лютер, отверг дела. Не только Иван Ильич и Брехунов спасаются только тогда, когда вдруг, каким-то толчком, какой-то неизвестно откуда взявшейся силой, явившейся именно тогда, когда измученные безнадежными попытками своими силами вырваться из ужасного положения, они предаются судьбе и уже идут не туда, куда хотят идти и хватаются не за то, за что можно удержаться — даже отец Сергей, славный и великий подвижник, всю жизнь свою отдавший служению ближним не накопил ничего, за что бы он мог зацепиться и на что мог бы сослаться в страшную последнюю минуту. И толстовские герои убеждаются, что дела ничего не дают — что пред Божественным правосудием — Иван Ильич, Брехунов, и отец Сергей равны. Хуже того, дела не только злые, но и добрые обременяют того, кому предстоит последнее испытание. И даже дела добрые обременяют больше, чем худые. От худых легко отказаться, от добрых трудно, для иных невозможно. Они приковывают к земле, человек хочет в них видеть вечный смысл своего существования. Он не может от них оторваться и из-за них он борется с той, непонятной ему и пока чуждой силой, которая против его воли влечет его в ту область, где все ему ново, а потому страшно и так мучительно не нужно.

Это рассказал нам на своем светском языке Толстой. Об этом же поведал нам и Лютер, но в терминах и образах так далеких и непривычных для нас, что на первый раз кажется, будто он говорил о совсем другом.

Может быть уместно еще прибавить, — для того, чтобы рассеять (или наоборот: усилить) подозрения читателя и приучить его к мысли, что внешний вид человека, т. е. теории, в которые он облекает свои мысли не имеют часто сами по себе никакого значения, и сказать теперь же, что не только Толстой, но и Нитше жил в тех же областях, куда судьба забросила Лютера. Это еще более поразительно. Толстой, если и отвергал церковь, — то, по крайней мере считал себя христианином и благоговел перед Библией. Нитше же наоборот. Он принадлежит к числу самых непримиримых, прямо исступленных противников не церкви, а именно христианства. Он об Евангелии выражался резче и кощунственнее, чем Толстой о церкви. И тем не менее — сейчас это звучит парадоксом, но дальнейшее изложение подтвердит мои слова — тем не менее формула Нитше «по ту сторону добра и зла» и взятая Лютером у ап. Павла формула «hominem justificare sola fide» значит **буквально** одно и то же. Только Лютер был еще дерзновеннее и еще последовательнее Нитше.

Правда, Лютер монах, никому неизвестный, наедине с собой, в своей келье был смел. Когда судьба его вытащила из кельи и повелела ему творить историю, — его смелости не хватило. Историю он делал так, или почти так, как все люди делают. Оттого католики и говорят, что Лютеранство лучше Лютера. Это — правда. Лютеранство не осмелилось — да и попробовало бы оно! — идти за апостолом Павлом!

Но мы говорим здесь о Лютере. Он смел — и много смел — как смел Брехунов или отец Сергей у Толстого. Настоящая, последняя смелость только и рождается в той фантастической обстановке, которую дает уединение кельи, то уединение, о котором нам сказал Толстой, что полнее его нет ни под землей, ни на дне морском.

Еще одно замечание. Один из католических биографов Лютера, иезуит Гризар подметил, что учение Лютера напоминает Нитшевскую «по ту сторону добра и зла». Понятно, какая это находка для иезуитского сердца. И все-таки Гризар не осмелился свое исследование осветить этой мыслью. При всей своей ненависти в «реформатору» он пожалел его?! Или умный и хитрый иезуит побоялся, что он — оправдает Нитше?

Л. Шестов.

СУОМИ *)

Полет из Парижа в Хельсинки длится семь часов. Сначала внизу мелькают светло-зеленые квадраты весенних полей Франции; затем свежая зелень уступает место голой земле; пролетая над Данией любишь голубизну моря, причудливыми линиями охватывающими серо-коричневые острова. Над Швецией все становится белым. Бюллетень полета (карточка передаваемая пассажирами из рук в руки) гласит: место — над Мариехаммом; скорость — 300 кл.; внутренняя температура — + 20 гр.; внешняя — 20 гр. Последнее заставляет задуматься... Наконец — спуск. Аэродром, автобус и я — в столице Финляндии — гостем Финской Православной Церкви.

Этим летом Финская Православная Церковь празднует тридцатилетие своего самостоятельного существования. За четверть века на двухтысячелетнем дереве Вселенского Православия выросла новая ветвь; к русской Церкви она относится так же, как мы — к Церкви греческой; всюду чувствуется русские, верные Петербургские влияния. Но жизнь, характер, стиль финского Православия — свой собственный, отличный от нашего и это надо понять и принять, чтобы не впасть в ошибку национализма и филетизма. Задачи, стоящие перед финским Православием, не легки. Церковь эта численно невелика: 80 тысяч верующих (на 4 миллиона населения), около 80 священников; 40 приходов; два епископа, духовная семинария. Главная трудность в том, что подавляющее большинство православных — беженцы. Восточная Карелия отошла к СССР и все ее население ушло внутрь Финляндии и расселилась в местах, где нет ни православного населения, ни православных храмов. Поэтому приходы часто являются просто условной территорией (иногда очень значительной), находящейся в ведении настоятеля, который объезжает своих прихожан для удовлетворения их духовных нужд. Но это положение временное. Церковь выработала план храмостроительства, рассчитанный на десятилетний срок. А так как Православная Церковь является второй государственной Церковью Финляндии и пользуется поддержкой государства, то план этот — вполне реален и будет проводиться с той методичностью и последовательностью, которые свойственны всей финской жизни. А пока что Церковь обратила

*) «Суоми» — по-фински Финляндия. Я пишу Хельсинки, а не Гельсингфорс, потому что не знаю, почему финскую столицу надо именовать ее шведским именем.

особое внимание на движения молодежи, благодаря деятельности которых православные не растворяются в окружающем их лютеранском населении. В Хельсинки работает студенческий кружок, в провинции — движения народного характера. Председателем его является о. Иоанн Сухола (ректор семинарии), священником Движения — о. Илья Пийронен — молодой, энергичный, живой, имеющий своей постоянной резиденцией вагон ж. д. (семья его живет в городе Иенсу). Он не только служит, читает доклады, руководит кружками и хорами, издает книжки и брошюры, но и ведет очень интересную работу по заочному (письменному) обучению истинам веры. О значительности этого Движения я мог заключить по первым же впечатлениям. Меня сразу же отправили в Иисальми — небольшой город в 700 кл. от Хельсинки. Ночь езды в прекрасном спальном вагоне. Поезд идет по бесконечным лесам, заваленным сугробами снега; долго стоит на станциях; тепло, уютно; не хватает только звонков — тогда бы я совсем окупился в впечатления детства... Но вот Иисальми: деревянные дома, сугробы на улицах, трескучий мороз... Православной церкви в городе нет; служба будет в большом здании школы, собрание — в городском доме. Вечером — торжественная всенощная: все полно молодежи, не только зала, но и площадки лестницы, сама лестница, коридоры. Вероятно не менее тысячи человек, собравшихся из разных углов Финляндии на свой годовой праздник (который каждый год празднуется в новом месте).

После всенощной — исповедь, которая заканчивается не слишком поздно, потому что исповедуют все съехавшиеся священники, а их — двенадцать... На следующий день литургия (сослужение всего духовенства) и причастие. После обеда — собрание. Программа его многообразна: тут и пение (сначала Царю небесный и тропарь Благовещенья, потом — гимн Движения: «вставай Православная молодежь») и декламация — индивидуальная, хором и под аккомпанемент народного музыкального инструмента в роде гуслей; речи и своеобразная — не знаю как это назвать, ибо это не сценка и не постановка... в программе значилось «канон». Небольшой хор спел сначала первый ирмос канона Благовещенья, а потом две барышни, стоявшие перед хором, начали диалог: рече Ангел Богородице, рече Богородица Ангелу... Обе они вкладывали в свои слова так много чувства и выражения, Ангел с такой неподдельной радостью сообщал Богородице благую весть, Богородица с такой целомудренной сдержанностью отвечала ему; еле заметные движения обоих были так выразительны, так полны драматизма и чувства и вместе с тем так строги и сдержанны, что все это я не могу назвать иначе, как вокально-акустической иконой Благовещенья — чуть-чуть драматизированной... В этой богатой программе зна-

чится и моя речь. Из предварительной беседы с руководителями я понял, что моей задачей будет «депровинциализировать» православное сознание молодежи, показать ей, что Православие—Вселенская Церковь, а не только карельская вера и что здесь в Иисальми и в занесенных снегом деревнях финской глуши, православные трудятся над тем же вселенским делом, как мы в Париже, как наши друзья в Америке, как греки в Афинах, сирийцы в Бейруте... Говорить меня просили по-русски, переводил на финский язык иеромонах Павел *rappistunnin* Raavalii. Когда я окончил, вся тысячная аудитория встала и запела (к моему смущению) много лет, что я сразу понял по напеву (напевы, все наши).

Следующим впечатлением Иисальми было собрание православных учителей. Это собрание было опытным и деловым, но особенно интересной была речь инспектора народных училищ, который говорил о предполагаемой и проводимой им реформе: чтобы уроки Православного вероучения были обеспечены во всех школах, имеющих не менее пяти православных учеников (до сих пор для этого необходимо было наличие двадцати учеников). Я прямо ушам не верил. Мы так привыкли видеть в государстве начало, или гражданное Церкви или, в лучшем случае, равнодушное к ней и во всяком случае всегда стремящееся использовать Церковь в своих интересах, что государство реально помогающее Церкви и ничего от нее не требующее (каковым, по словам всех, является финское государство) показалось мне мифом золотого века! К этому надо добавить, что финны в подавляющем числе лютеране и что и тот инспектор народных училищ, который так трогательно заботился о религиозном воспитании православных детей — сам не православный.

В перерывах между собраниями мне удалось познакомиться и поговорить со священниками, ведущими педагогическую работу. Все они очень заняты. Финское духовенство обеспечено государством и живет безбедно, не завися от прихожан и от треб. Но оно действительно использует эти посланные ему Богом возможности, и работает не покладая рук. Преподаватель методики Закона Божьего о. Димитрий Тарвасахо всегда в разъездах, ибо учительских семинарий много, а он один. Прот. Серафим Фиилин (законоучитель в Хельсинки) обслуживает более 20 средних школ... И такой же темп характеризует работу настоятелей... Каждое лето Движение устраивает лагерь: 400 человек молодежи живет в лесу; богослужения происходят под открытым небом. Лагерь неизменно посещает Архиепископ Герман, который пользуется всеобщей и заслуженной любовью. Молодое духовенство ценит в нем главным образом его литургическое благочестие.

Следующим этапом моего путешествия был город Ионеску, где

мне пришлось говорить перед местной аудиторией человек в 150. Читать пришлось по-английски (п. ч. переводчик знал англ. язык). Несмотря на эту трудность после доклада была оживленная беседа и мне пришлось отвечать на многочисленные вопросы, навеянные отчасти соседством с лютеранами, отчасти влиянием сектантства. По дороге я остановился в духовной столице финского Православия — в г. Куонио, где был принят Владыкой Германом, посетил епархиальное управление с его хорошей библиотекой старых русских книг, познакомился с любителем русской старины о. протодиаконом Львом Касанко. Там же я посетил местного лютеранского епископа, б. профессора догматики и известного писателя Э. Сормунена; в его доме я убедился, какая высокая богословская культура характеризует лютеранскую Финляндию. Когда — видя сотни шведских, финских, а затем и немецких книг, я спросил его, попала ли в его руки книга о. Congar'a «Vraie et fausse réforme dans l'Eglise», он ответил: конечно да; и должен вам сказать, что Конгар гораздо правильнее понял и изложил Кальвина, чем это делают современные кальвинисты...» и тут же показал мне латинский экземпляр *Institutiones*, по которому он сам работал над Кальвином...

Последним местом моей работы была столица Финляндии — Хельсинки *). Здесь мне пришлось прочитать целый ряд докладов: о Православии и лютеранстве (в кружках Русского и Финского Студенческого Движения, публично — в здании местной Имки и в Университете — на богословском факультете), Православной догматике — с апологетической точки зрения (в духовной семинарии), с Постной Триоди и о методах ее изучения (в русском кружке), о роли Православия на Западе — в экуменическом комитете... Два впечатления с особенной силой врезались в душу: посещение Библиотеки Университета и внешний вид старых домов города. Библиотека б. Гельсингфорского Университета в былое время автоматически получала все русские журналы и множество книг. Благодаря этому в ней образовано единственное в своем роде книгохранилище, где глаза разбегаются по полкам, на которых видишь редчайшие и интереснейшие книги. И среди всех этих соблазнов — учнейший Борис Иванович Сове, который то вынет древнюю Минею, то подведет к полке с нашими Парижскими изданиями, то покажет какой-либо уникум, от которого трудно оторваться. Так бы и сидел там целую жизнь!. А рядом, на улицах — русский ампиризм желтых домов с белыми колонами, перед домами — сугробы снега; напротив — огромный собор, напоминающий Исаакия, перед ним —

*) О посещении Нового Валаама я расскажу другой раз.

памятник Александру II. Еще немного в стороне — Троицкая православная церковь; войдешь в нее — солнце пробивается сквозь двойные рамы; на большом подоконнике лежит барашковые и котиковые шапки и муфты; вся церковь — иконостас, иконы, служба — Петербургского стиля... Видя все это, больше ценишь наше прошлое, видишь воочию, каким размахом, каким чувством стиля и меры обладал Петербург.

Неподалеку от церкви, на Елизаветинской улице, живет епископ Александр — большой друг, благожелатель и учитель молодежи. Он следит за всей нашей литературой и я с радостью убедился, что вся богословская работа Парижа ему хорошо известна... В течении недельного пребывания в Хельсинки я видел много хорошего и значительного: и среди православных, и среди лютеран, и среди финнов, и среди русских. Поэтому в описании этого путешествия трудно остановиться. Хочется упомянуть обо всем, а это заняло бы слишком много места.

Уехал я обогащенный новыми отношениями и новой любовью, и от всего сердца хотел-бы сказать Финской Православной Церкви, Владыкам Герману и Александру, батюшкам, Движению Молодежи, его руководителям и членам: анна херра питкэ икке, питкэ икке, (многая лета).

Л. Зандер.

СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ

Г. П. Федотов. *Новый Град*. Сборник статей под редакцией Ю. П. Иваска. Издательство имени Чехова, Нью-Йорк 1952, 377 стр.

В этой книге собраны статьи покойного Г. П. Федотова, печатавшиеся в разных эмигрантских изданиях и на разные темы. О политике, о культуре, о России, о судьбах христианства: Г. П. Федотов всегда искал того, что теперь принято называть *engagement*; не уединения в заоблачных высотах чистой мысли, чистой науки, а участия всей совестью и всем умом в решении самых «жгучих», самых спорных и злободневных вопросов жизни. Но, удивительным образом, в этой казалось-бы неизбежно замутненной сфере публицистики его мысль оставалась чистой, научной и «не снижалась», а, напротив, каждый самый злободневный вопрос был поднимаем, очищаем, преобразуем. А это так потому, что о чем бы ни писал Г. П. — за «актуальностью» темы всегда светит «абсолютное». Основная тема Г. П. была: как **воплотить** абсолютную Истину Христианства во временном, как эту Истину сделать **правдой** жизни. Г. П. не только размышляет и проповедует. Он пытается решать и отвечать. С этими решениями и

ответами можно не соглашаться, можно искать других ответов. Но остается непреходящий, вдохновляющий урок. В лукавые дни, когда борясь с духом времени, мы уступаем ему, дышим его воздухом, говорим его языком, голос Г. П. звучит пророческим обличением. Пророк слушает волю Божию о целом народе или о Церкви. Слушает и требует действия. Пророчество не предвидение будущего и не нравственная проповедь т. е. толкование вечных законов. Пророчество это откровение воли Божией для сегодняшнего дня. *Nis et nunc*. В Новом Завете, освобожденные от рабства закону, все призваны к пророческому вниманию к голосу Божию — прежде всего в своей личной жизни. «Народ избранный, царственное священство», они не могут быть лишены и пророчества. В Новом Завете оно нередко называется свидетельством. Действительно каждый наш акт, совершаемый в согласии с высшей волей, может быть назван свидетельством о Христе. Свидетельством того, что мы признаем в жизни Его волю превыше всех других законов, одному Царю служим — в служении, которое является одновременно и высшей свободой» (В защиту этики, стр. 366).

Как хотелось бы, чтобы было услышано не только то, **что** говорит Г. П., но и то, **как** он это говорит, чтобы был услышан этот призыв к постоянному, освобождающему и преобразующему усилию **христианской совести**.

А. Ш.

Gilbert Cesbron. Les Saints vont en Enfer. Roman, Paris 1952.

Роман о священниках - рабочих в красных пригородах Парижа. Раскрываешь его с опасением, даже с предубеждением. Читая, иногда морщишься. Литературный критик найдет здесь, наверное, много недостатков. Здесь все немного схематично, условно, «однопланно». Но закрываешь книгу все-таки с волнением и, главное, с встревоженной совестью. Можно до бесконечности спорить о «христианстве и социальной проблеме», о вкусе и мере, о возможности и невозможности участия священника в забастовке и о многом другом. Но в душе, в минуту ясности, мы все знаем, что побеждает мир не то или иное «решение», а только вера и та любовь, которая, по слову ап. Павла, «все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит». Свидетельством о такой любви оправдана эта книга, при всех ее возможных недостатках, при всей ее «спорности».

А. Ш.

New Missionary Review N° 1, Spring 1952. From Dr. S. Bolshakoff, 16, Marston Street, Oxford, England.

Скромный (16 стр., на ротаторе), но очень полезный осведомительный бюллетень на английском языке. Цель его собирать по-

сильно всю информацию, касающуюся Православия в англо-саксонских странах, а также разных православных миссиях, дабы возбудить новый интерес к еще не совсем заглушенной, а кое-где и возрождающейся православной миссионерской деятельности.

В первом номере «Нового Миссионерского Обозрения» даны замечательные — по трезвости суждений и ясности изложения — обзоры о положении православных Церквей в Соед. Штатах, Японии, Канаде, Австралии, Англии и Китае.

Х Р О Н И К А

Святая Германия. (Собрание памяти Ф. Бодельшвинга).

По случаю приезда немецких богословов на православно-лютеранский съезд в Бьевре, 3-го июня, Богословский Институт устроил собрание, посвященное памяти Бодельшвинга. После панихиды о рабе Божиим Фридрихе и приветственного слова декана о. Василия Зеньковского были произнесены три речи.

Пастор Стратенверт говорил о самом Бодельшвинге, которого по справедливости называют «гением доброты». В Париже он начал свою пастырскую работу среди беднейших немецких выходцев (их тогда было очень много: по количеству немецкого населения Париж стоял на третьем месте сразу после Берлина и Гамбурга). Бодельшвинг начал с небольшого: нашел двух нищих девочек, позвал их к себе (он жил где-то на Монмартре) и стал говорить им о Христе. Девочки привели других детей; так выросла школа; потом — церковь. Была куплена усадьба — Сергиевское Подворье; Бодельшвинг жил в правом домике — под крышей. Приход его распространялся на пол - Парижа...

После несколько лет работы болезнь заставила его покинуть Париж. В Бильфельде он получил место пастора, но и там не успокоился: начал работать с эпилептиками; потом присоединил к ним слабоумных... Дело его стало быстро расти. Бетель (Вефиль) превратился в целый город. Добровольных работников — диаконов и диаконисс — являлось все больше и больше. Средства он собирал среди бедных (учредил копеечную кассу: самые бедные люди, дети, старики откладывали по копейке, (по пфеннигу) в неделю и были счастливы и горды, что и они могут чем-нибудь помочь). Когда Карнеги пожертвовал ему миллион долларов, он думал целую ночь, но от денег отказался: «что же скажут мои бедняки!...». Нам были даны только несколько черт из жизни праведника, о котором можно было бы написать целую книгу. Но этого было достаточно, чтобы его портрет

(который всегда висит в аудитории Института, а здесь стоял на столе, украшенный веткой жасмина) вырос для нас в величавый образ современного святого... Но он жив: не только в своем деле, но и в своих детях. Вторая речь была произнесена его внуком — пастором Бодельшвингом — теперешнем руководителем Бетеля. По своей простоте, безыскусственности, непосредственности, и искренности, эта речь была пределом человечности, в которой сияет любовь Христова. Любовь к обиженным, к больным, к эпилептикам, к идиотам. Бодельшвинг дал внешний образ Бетеля — такой же безыскусственный и простой, как его речь. Не учреждение, не организация: сотня домов для больных, несколько сот домиков для сотрудников; между домами — то поле, то садик, то лесок... Все растет органически и без строго разработанного плана... Больные распределены по степени своей пораженности: есть дома, где живут дети, которые не могут ни говорить, ни стоять, ни сидеть... Есть дома эпилептиков, которые способны работать, но которых болезнь подстерегает каждый час... «Когда наши решили уничтожить ненормальных и комиссия, решавшая кого нужно убить прибыла в Бетель, мой дядя (младший сын великого старца, тогдашний руководитель Бетеля) повел ее прямо к безнадежным; и показал членам комиссии, что в каждом человеческом существе бьется человеческое сердце и живет образ Божий. И произошло чудо: никто из насельников Бетеля не был убит...». Глубокой верой и бесконечной любовью звучат слова Бодельшвинга, когда он говорит о слабоумных. Он светится этой любовью, почти видимо ее излучает: «Мы бесконечно учимся у наших детей...». Вот как определяет он свое отношение к этим лишенным разума существам. Но в Бетеле — не только приют для лишенных ума; там же — центр огромной интеллектуальной работы: продолжение составления словаря Киттеля огромный компендиум новозаветной науки) под руководством проф. Фридриха. Туда — для участия в этой работе и практического усвоения данных современной экзегетики приглашен на лето молодой преподаватель Института Николай Анаг. Куломзин...

От имени Богословского Института говорил Л. А. Зандер. Институт связан с делом Бодельшвинга. Правда, на холме Преп. Сергия нет ни больных, ни бедных (если не считать, что бедны мы все). Но работа Института не ограничивается тем, что делается в Подворье: отсюда исходит вдохновение, здесь происходит подготовка; а «опыт деятельной любви» — его надо искать во второй инстанции: в приходах, в юношеских организациях — повсюду, где работают птенцы Сергиева гнезда.

Связь же наша с Бетелем объективна и не зависит от того, насколько мы о ней знаем: молитва о «создателях храма сего» неиз-

менно несет в себе «вечную память» рабу Божию Фридриху, даже если диакон ее провозглашающий о нем ничего не знает. Наши встречи с христианами Германии, как явные и сознательные, так и чисто духовные (нас спасли от разгрома во время войны неизвестные нам друзья — все убитые в политической борьбе) — являют в себе попытку подлинного примирения двух народов, которые в течение всей истории своего соседства никогда еще не встречались во Христе. Верим, что в этой задаче наша связь — как она не скромна и не слаба — «несет в себе сердцевину целого» и имеет вечную ценность, ибо происходит пред очами Божиими... **Л. З.**

Съезд молодежи в Бельгии.

По инициативе Кружка Православной Молодежи, 24 и 25 мая в Бельгии, состоялся съезд молодежи, в работе которого, по просьбе организаторов, приняли участие члены и сотрудники Миссионерского Комитета.

23-го мая, в Брюсселе, были прочитаны две лекции для взрослых. Первая — И. В. Морозовым, на тему «Христианин в жизни», вторая — прот. В. Зеньковским «О внутреннем мире». На собрании присутствовало около 60 человек.

Съезд же молодежи начался в субботу 24-го мая. Все участники съезда — 25 человек — были помещены, неподалеку от Брюсселя, в благоустроенном доме, где обычно устраивается и летняя колония для детей, организуемая тем-же Кружком Православной Молодежи в Бельгии. Первый доклад прочел И. В. Морозов «Об исканиях современной молодежи». В воскресенье утром, отслужив литургию, выступил с докладом свящ. Алексей Князев на тему «О необходимости празднования праздников и о литургии». Днем, заключительный доклад «Об ответственности зарубежной молодежи перед Россией» был прочитан И. В. Морозовым. Все три доклада вызвали живой отклик у молодежи. Восприимчивость молодых слушателей и проявленный ими глубокий интерес к вопросам веры — явились лучшим вознаграждением докладчикам.

Установился духовный контакт, который в будущем, мы надеемся, выльется в тесное и плодотворное сотрудничество между руководителями молодежи в Бельгии и членами, и соратниками Миссионерского Комитета.